

Н. В. СЕРЕДА

“СВОИ” – “ЧУЖИЕ” – “ДРУГИЕ” В КОНТЕКСТЕ ЗАПИСОК У. КОКСА И ИХ СУДЬБЫ В РОССИИ

У. Кокс полагал, что Лжедмитрий I был настоящим царевичем Дмитрием, и писал о России конца XVIII в. как о стране варварской, критиковал Петра I, а возможные в будущем перемены связывал с именем Екатерины II. Оценки Кокса оказались «чужими» и даже опасными для царствующего дома Романовых, входили в противоречие с представлениями отечественных историков конца XVIII – начала XIX в. и с концептуальными построениями ученых советского периода.

Ключевые слова: *Россия, источники, описания путешествий, историография.*

До недавнего времени исследования сочинений иностранцев, побывавших в России, проводились прежде всего с точки зрения их ценности и достоверности данных о событиях российской истории. В настоящее время эти источники интересны, прежде всего, как воплощающий восприятие иностранцами России периода их пребывания. Записки англичанина У. Кокса о его путешествии в Россию примечательны еще и потому, что позволяют ученым понять, как проходил процесс познания россиян образованными представителями других стран.

Англичанин Уильям Кокс (1747–1828) дважды побывал в России в качестве наставника молодых людей из состоятельных семей, которые совершали образовательные туры по Европе¹. Оба раза он провел в России примерно по полгода: с августа 1778 г. по февраль 1779 г. и с ноября 1784 г. по апрель 1785 г. Обе поездки пришлись на период серьезных преобразований. Значительное влияние на него оказало знакомство с Екатериной II: вместе со своим подопечным графом Пемброком он был удостоен ее аудиенции. Кокс имел также возможность сравнить жизнь россиян и населения других европейских стран. Впечатления от первой поездки, дополненные познаниями, почерпнутыми из географических и исторических трудов, а также из архивных материалов, были изложены в книге «Путешествие в Польшу, Россию, Швецию и Данию». Первое издание этого труда было опубликовано на языке оригинала в 1784 г., в 1785 г. был издан немецкий перевод «Путешествий».

Сочинение Кокса знала вся цивилизованная Европа, это было самое цитируемое и самое объемное сочинение иностранца о России при Екатерине II. Оно выдержало шесть изданий в Англии еще при жизни автора. При этом каждое новое издание несло в себе авторские исправ-

¹ Биографию У. Кокса см.: Кокс Уильям... 1891; Смирнова. 1993. С. 22-34.

ления и дополнения. На родине Кокса последнее прижизненное издание вышло в 1803 г. «Путешествия» были переведены на все основные языки континентальной Европы и во многих странах неоднократно переиздавались в конце XVIII – первой половине XIX в.² В России же судьба записок Кокса сложилась весьма драматически и была совершенно не адекватна чести, оказанной ему Екатериной II, которая не только удостоила Кокса аудиенции, но и в письменной форме ответила на его вопросы о судебной системе и системе наказаний в России. Процесс подготовки ею ответов на вопросы англичанина заставил Екатерину много размышлять над пенитенциарной системой России, что в итоге даже повлияло на российское законодательство о тюрьмах.

Известно, что императрица выражала желание приобрести текст записок сразу после их издания на немецком языке (1785 г.), однако уже в конце XVIII в. труд Кокса в России был фактически запрещен. Только в 1837 г. была переведена на русский язык и издана одна глава – с описанием его переезда из Москвы в Петербург³. К тому времени Западная Европа уже утратила интерес к «Путешествиям». Впоследствии в России были изданы пересказ сочинения Кокса (1877)⁴, переводы некоторых мест с историческими сведениями об отдельных городах и регионах⁵, было опубликовано описание материалов Кокса, хранящихся в библиотеке Британского музея, в том числе относящихся к истории России⁶. Лишь недавно стал доступен читателям текст перевода на русский язык 5-й главы третьего тома под названием «Состояние цивилизации»⁷. Полный текст записок Кокса до сих пор не издан в России.

Нельзя не отметить возрастающий интерес отечественных исследователей к сочинениям Кокса: их активно исследуют в русле изучения восприятия реформ россиянами, а также образовательных туров как социокультурного явления XVIII – начала XIX в.⁸ Однако многие из поставленных вопросов не получили ответа, некоторые из предлагаемых ответов спорны, либо требуют дополнительных обоснований, в частности вопрос о причинах столь длительного забвения записок Кокса в России. Именно на него мы и попытаемся дать свой вариант ответа.

² Характеристику изданий и переводов «Путешествий в Польшу, Россию, Швецию и Данию» см.: *Гулякова*. 2010. С. 46–68.

³ Путевые записки от Москвы до Санкт-Петербурга... 1837.

⁴ [Белозерская] 1877.

⁵ *Кокс*. 1902; *Смирнова*. 1993.

⁶ С соображениями о достоверности сведений Кокса. См.: *Викторов*. 1898.

⁷ Текст опубликован в качестве приложения к диссертации И. В. Гуляковой (*Гулякова*. 2010. С. 223–237).

⁸ См., например: *Карацуба*. 1991; *Смирнова*. 1993; *Белякова*. 2006.

Существует мнение, что причиной забвения сего труда стало осуждение Коксом крепостного права⁹. Но в таком случае его записки могли быть использованы в ходе общественной борьбы первой половины XIX в., когда обсуждался вопрос о путях развития России, однако этого не произошло. Даже после отмены крепостного права мнения Кокса о России и русских предпочитали не делать достоянием гласности!

Фактическое запрещение труда Кокса в России, на наш взгляд, можно объяснить другими причинами. Первая заключается в общем негативном отношении Кокса к русской действительности, в его неуважительном отношении к Петру I, так почитаемому и до октября 1917 г. и в советский период, и к результатам его преобразований, в пренебрежительной оценке возможности развития цивилизации в России. Многие историки Западной Европы XVIII в., и прежде всего Вольтер, превозносили проведенные Петром преобразования, считая, что благодаря им начался переход России к цивилизации. Кокс достаточно четко сформулировал мысль о том, что «рассказы об изменениях национальных нравов и обычаев [в результате реформ Петра I]... принадлежат путешественникам, никогда не посещавшим Россию, которые для изучения истории Петра пользовались необъективной информацией»¹⁰.

Этот упрек в адрес западноевропейских историков и прежде всего Вольтера, глубоко почитаемого русской императрицей¹¹, едва ли мог понравиться ей. Однако заявления Кокса о том, что он был «поражен тем состоянием варварства, в котором пребывает основная масса населения»¹² страны в конце XVIII в., т.е. через полстолетия после смерти великого реформатора, должно было понравиться ей еще менее.

Между тем описание Кокса содержит примеры, которые должны были изумить иностранцев и составить у них не слишком благоприятное впечатление о России. Так, радостно отметив, что в Твери в отличие от других мест по дороге из Москвы в Петербург имеется гостиница, Кокс замечает, что в гостинице этой нет кроватей. Расточительность русских вызывает его негодование: в России наблюдается «огромный расход древесины из-за устоявшейся привычки делать доски топором.

⁹ Белякова. 2003. С. 110-112.

¹⁰ Кокс. 2010. С. 223.

¹¹ Екатерина II писала о Вольтере и его трудах по истории России: «80-летний старик старается своими, во всей Европе жадно читаемыми сочинениями прославить Россию, унижить врагов ее и удержать деятельную вражду своих соотчичей, кои тогда старались распространить повсюду язвительную злобу против дел нашего отечества, в чем и преуспел». Цит. по: Павленко. 1996. С. 53-54.

¹² Кокс. 2010. С. 234.

Такая практика, причиняющая колоссальный ущерб лесам империи, распространена среди судостроителей не менее чем среди крестьян»¹³.

Справедливое суждение Кокса о том, что «цивилизация многочисленной, разбросанной на огромной территории нации, – длительный процесс, который может быть успешным только благодаря последовательному, постепенному прогрессу»¹⁴, – ставило под сомнение быстрое получение видимых результатов проводимых императрицей преобразований. Кокс достаточно жестко критиковал российскую систему получения чинов и продвижения по служебной лестнице, негативное отношение высказывал он и к политике секуляризации: «Во многих странах уничтожение монастырей может считаться полезным обстоятельством, а в России оно имеет негативное последствие: монастыри были единственными образовательными учреждениями для будущих церковнослужителей, а монахи, если можно так сказать, – единственные обладатели знаний в среде духовенства». Степень невежества приходских священников, многие из которых «не могут даже прочесть Евангелие на их родном языке для проповеди, а богослужение отправляют по памяти...»¹⁵, потрясла Кокса едва ли не больше крепостного права. Отмечал он и необразованность купцов и торговцев, которые «не знакомы с арифметикой», а для счета пользуются «приспособлением с несколькими рядами проволоки, на которые нанизаны шарики. Первый ряд шариков – это единицы, второй – десятки...»¹⁶. Что обозначает третий ряд, думаю, хорошо помнят даже те из россиян, кому нынче около тридцати, притом, что шарики на проволоке изумляли Кокса еще 250 лет назад.

Крайне низко Кокс оценивал уровень жизни народа, отмечал неразвитость орудий труда крестьян. «Всеобщее улучшение невозможно, пока большая часть населения продолжает пребывать в рабстве», – писал он в заключении главы о состоянии цивилизации в России. Очевидно, эта концовка и дает основание исследователям считать, что причиной забвения записок Кокса стала критика крепостного права в стране.

Отметим, что в этой главе наряду с критикой и скепсисом в отношении перспектив развития страны встречаются высокие оценки некоторых реформ Екатерины II. Так, Кокс одобрительно оценивает введение гильдейского сбора для купечества, полагая, что он «пробуждает трудолюбие» в людях и формирует другие положительные качества. Однако в целом в его изображении жизнь россиян мрачна и убога. И именно эта

¹³ Цит. по: *Смирнова*. 1993. С. 26-27, 34.

¹⁴ *Кокс*. 2010. С. 224.

¹⁵ Там же. С. 228.

¹⁶ Там же. С. 223.

картина стала, на наш взгляд, важнейшей причиной упорного игнорирования записок Кокса в России в имперский период. Его откровенный скептицизм по поводу возможности скорого преодоления Россией состояния варварства мог бы внести дополнительные сомнения в души подданных, многие из которых и без того не видели смысла в проводимых преобразованиях. Эти соображения вполне могли явиться причиной запрета в России не только труда Кокса. Такая судьба была у значительной части записок иностранцев о России. Определенным образом понимаемый патриотизм привел к тому, что многочисленные источники такого рода лишь в последние четверть века впервые были опубликованы на русском языке, еще часть текстов впервые изданы без купюр¹⁷.

Еще одной причиной забвения труда Кокса стала его трактовка событий некоторых исторических деятелей. Кокс проявлял симпатии к тем персонажам, которые в российской историографии принято оценивать отрицательно. Например, он доказывал, что у царевны Софьи не было мысли совершать заговор против Петра и пытаться его отравить. Его очерки о царевиче Алексее Петровиче и Иване Антоновиче проникнуты духом сочувствия к ним. Особенно неприемлемой оказалась его идея, что Лжедмитрий I был не самозванцем. Эта и почти все «чуждые» для российской историографии оценки и суждения по истории XVI–XVII вв. родились в результате знакомства Кокса с трудами Г. Ф. Миллера и А. Ф. Бюшинга. Они печатались в журналах по русской истории, издававшихся на немецком языке, а ряд работ Миллера были опубликованы за границей анонимно: высказать свои суждения о некоторых эпизодах российской истории открыто, тем более в самой России, Миллер не имел возможности. Еще часть познаний в области российской истории Кокс приобрел в личных беседах и в ходе переписки с Миллером.

При изложении событий начала XVII в. Кокс придерживался гипотезы Миллера о том, что Лжедмитрием в российской истории назвали истинного младшего сына Ивана Грозного. В примечании к пятому изданию своего сочинения (1802 г.), Кокс сообщил, что Миллер придерживался именно этой точки зрения и в беседе с ним привел убедительные аргументы в ее пользу. Кокс заявлял, что Миллер благословил его на критику версии, изложенной им в опубликованных трудах, но при этом просил не упоминать об их разговоре, покуда он будет жив¹⁸.

Обнародование такой трактовки событий Смутного времени, тем более со ссылкой на Миллера, могло стать поводом для обсуждения обстоятельств появления на троне династии Романовых. Следует ска-

¹⁷ См., например: Московское государство...; Россия глазами иностранцев...

¹⁸ Гулякова. 2010. С. 178. Г. Ф. Миллер умер в 1783 г.

зять, что статья Миллера «Опыт новейшей истории о России», посвященная Смутному времени, так и не была полностью издана в России: вышла только первая часть статьи, посвященная Борису Годунову, печатать сведения о жизни Лжедмитрия было запрещено¹⁹, притом, что своих истинных взглядов Миллер так и не решился изложить. Текст, изданный на немецком языке, вызвал негодование М. В. Ломоносова: «Миллер пишет и печатает на немецком языке смутные времена Годунова и Росстригины, самую мрачную часть российской истории; из чего иностранные народы худые будут выводить следствия о нашей славе. Или нет других известий и дел российских, где бы по последней мере и добро с худом в равновесии видеть можно было?», – вопрошал он²⁰.

У. Кокс и его записки о путешествии в Россию могли стать транслятором идеи, крайне опасной для правящего дома Романовых, и в этом заключалась, на наш взгляд, едва ли не важнейшая причина, по которой они не были изданы в России в имперский период. История России, представленная Коксом, была «чужой», поскольку строилась на изысканиях представителей зарубежной и российской науки, работавших на основе принципов, неприемлемых для лидера официальной отечественной школы историографии середины XVIII в. Ломоносова и его последователей. Следы глубоких разногласий Ломоносова и Миллера в понимании ими задач истории и историка отчетливо видны в уже упомянутой статье, где Миллер анализировал российские события начала XVII в. Неслучайно именно здесь им поставлены проблемы методологического плана. Миллер заявил, что историк обязан «о всех делах, худых и добрых, рассуждать беспристрастно»²¹. Официальная же российская историография того времени исходила из принципа «полезности» исторических сведений для конструирования положительного образа России²². Представители формирующейся отечественной историографии считали, что при отборе сведений нужно исходить из принципа «не предосудительно ли славе русского народа будет». При такой установке труд Кокса, излагающий весьма сомнительные действия российской верхушки во время Смуты, никак не мог вызвать одобрения, а значит – получить рекомендации к переводу и изданию текста на русском языке.

Сочинение У. Кокса с его крайне низкой оценкой возможностей России в достижении цивилизации способствовало формированию и у самих россиян, и у европейцев нелюбимого образа России, что

¹⁹ Белковец. 1989. С. 206-207.

²⁰ Ломоносов. 2007. С. 407.

²¹ Миллер. 1761. Февраль. С 147.

²² Каменский. 1991; Маловичко. 2010. С. 25.

также создавало препятствие для их издания в России. Не имея возможности запретить печатать сочинения Кокса на различных европейских языках, власть предержавшие пытались не допустить проникновения этого труда в Россию. Опасными видимо казались и осуждение рабства, и указание на примитивность жизни основной массы населения, и идеи относительно некоторых сюжетов истории страны. Однако остается не понятным еще один вопрос. Почему сочинение У. Кокса не было переведено и опубликовано в советское время? Осмелюсь предположить, что это было обусловлено весьма высокими оценками, которые давал английский путешественник преобразованиям Екатерины II. При всем своем скепсисе он, тем не менее, выражал надежду, что именно благодаря политике Екатерины II Россия окажется в числе великих держав.

Он явно противопоставляет Екатерину Петру I, заявляя, что цивилизация может быть достигнута лишь «благодаря последовательному, постепенному прогрессу», и подчеркивая, что излишне энергичная деятельность Петра не дала ощутимых результатов. Подобные взгляды не устраивали официальную советскую историографию, ведь ей гораздо более импонировал образ Петра, вздыбившего Россию. Это возводило исторический фундамент под большевистские методы преобразований.

Восприятие Коксом Екатерины как «своего» человека отчетливо прослеживается в его записках. В то время как Петр I для него – воплощение азиатчины, всяческих пороков, символ пренебрежения к человеческой личности, что видно из его отношения к своему сыну Алексею, историю которого Кокс излагает с явной симпатией к царевичу. В сочинении Кокса Екатерина II выступает не только антиподом Петра I. Кокс противопоставляет ее и остальным российским правителям. Осуждая крепостное право, которое он отождествлял с рабством, Кокс не связывает его с именем Екатерины. В то же время последовательный процесс внедрения основ цивилизации прежде всего через гуманизацию законов английский путешественник связывает именно с этой императрицей²³.

Для Кокса «своей» была Екатерина, для отечественной историографии был и остается ближе Петр. И новейшие работы молодых историков свидетельствуют об этом. Так современная исследовательница и переводчица сочинения Кокса И. В. Гунякова подвергает сомнению его рассказ о том, что царевич Алексей «под влиянием постоянного пьянства и гонений» в 1716 г. решил отказаться от престола и уйти в монастырь. Оспаривает она и некоторые другие положения Кокса²⁴. В случае с царевичем это делается со ссылкой на работу Н. И. Павленко «Петр

²³ Гунякова. 2010. С. 119-160.

²⁴ Там же. С. 93-95.

Великий». При этом автор диссертации объясняет неверность выводов Кокса пренебрежением теми источниками, которые работают на привычные оценки. Коксу действительно была предоставлена возможность ознакомиться с содержанием документов по истории России из Архива коллегии иностранных дел²⁵, которой он не воспользовался, вероятно, в силу необходимости вовремя вернуться в Англию со своим воспитанником. Однако в работе, специально посвященной историческим взглядам Кокса, имело бы смысл попытаться найти аналогичные оценки в трудах отечественных исследователей.

Отношение молодой исследовательницы к взглядам Кокса – это во многом отражение ситуации, сложившейся в отечественной историографии на рубеже XX–XXI вв: по-прежнему мы превозносим Петра и недолюбливаем Екатерину II. По-прежнему мы уверенно, без сомнений, излагаем версию о Лжедмитрии, даже не упоминая трактовку Миллера, согласно которой приставка Лже не имеет право на существование. И нам трудно принимать иные оценки правления и отдельных поступков исторических деятелей, особенно те, которые формулируют «другие», «чужие», не «свои» исследователи.

И это относится, конечно же, не только к судьбе записок У. Кокса в России и к восприятию его оценок сегодняшними россиянами, в том числе историками. Речь идет о глобальной проблеме – упорном нежелании рассказать о «другом» восприятии событий нашей истории, тем более о восприятии ее кем-то «чужим».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Coxe W. Travel into Russia // Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. Ed. 4. London, 1792. V. 2. Book IV. С. 174-532.*
- Белковец Л. П.* Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Миллер Г. Ф. и Бюшинг А. Ф. Дисс. на соискание уч. степ. д.и.н. Томск, 1989. 250 с.
- [*Белозерская Н. А.*] Россия сто лет тому назад: путешествие английского историка Кокса в 1778 г. Пер. с англ. // *Русская старина*. 1877. Т. 18. № 2. С. 309-324; Т. 19. № 5. С. 23-52.
- Белякова Н. Ю.* Уильям Кокс и его «Путешествия»: Екатерининская Россия в программе английского образовательного Grand Tour. Дисс.... на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. СПб., 2006. 210 с.
- Белякова Н. Ю.* У. Кокс о положении русского крестьянства в екатерининскую эпоху // Герценовские чтения. 2003. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. ст. СПб., 2003. С. 110-112.
- Викторов Н.* Сочинения Вильяма Кокса о России // *Исторический вестник*. 1898. Т. 74. С. 778-787.

²⁵ *Гулякова*. 2010. С. 188, 193.

- Вольтер*. История Российской империи при Петре Великом. СПб., 1809.
- Гулякова И. В.* Записки Уильяма Кокса второй половины XVIII века о его путешествии в Россию как исторический источник. Диссерт. на соиск. уч. степени кандидата исторических наук. Рукопись. Нижний Новгород, 2010. 236 с.
- Каменский А. Б.* Ломоносов и Миллер. Два взгляда на историю // Ломоносов: Сб. статей и материалов. Т.9 / Отв. ред. Э. П. Карпеев. Сб., Наука, 1991. С. 39-48.
- Карацуба И. В.* Реформаторы и реформируемые в России XVIII века: взгляд извне и изнутри // Из истории реформаторства в России. Философско-исторические очерки. М., 1991. С. 34-42.
- Кокс В.* Английский путешественник конца XVIII столетия Вильям Кокс о Твери и Тверской губернии / Пер. И. К. Линдемана // Журнал 89-го заседания Тверской ученой архивной комиссии, 12 декабря 1902 г. Тверь. 1902. С. 10-18.
- Кокс У.* Состояние цивилизации Пер. с англ. И.В. Гуляковой // Гулякова И. В. Записки Уильяма Кокса второй половины XVIII века о его путешествии в Россию как исторический источник. Дисс. на соиск. уч. степени кандидата исторических наук. Рукопись. Нижний Новгород, 2010. С. 223-237.
- Кокс Уильям // Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. IVa. СПб., 1891. С. 650.
- Ломоносов М. В.* Записки по русской истории. М.: Эксмо, 2007. 735 с.
- Маловичко С. И.* Историописание: научно ориентированное vs социально ориентированное // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Материалы XXII Международной научной конференции (Москва, 28-30 января 2010 г.) М., 2010. С. 21-28.
- Массон Ш.* Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I // Россия в мемуарах. М., 1996.
- Миллер Г. Ф.* Опыт новейшей истории о России // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб.: Императорская Академия наук, 1761. Январь – март. С. 3 – 63; 99-154; 195-254.
- Московское государство XV – XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев / Сост. Н.В. Бочкарев. 2-е изд. М.: Крафт, 2000. 254 с.
- Путевые записки от Москвы до Санкт-Петербурга одного англичанина в царствование императрицы Екатерины II, заключающие в себе весьма любопытные сведения, относящиеся к России в XVIII столетии. Пер. с фр. М., 1837.
- Павленко Н. И.* Екатерина Великая // Родина. 1996. № 3. С. 53-54.
- Россия глазами иностранцев / Подгот. Ю. А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1989. 542 с.
- Смирнова Е. И.* Тверской край конца XVIII в. глазами английского путешественника Уильяма Кокса // Книги. Библиотеки. История. Вып. 1. Тверь, 1993. С. 22-34.
- Середина Надежда Владимировна***, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Документационного обеспечения управления Тверского государственного университета; nv.sereda@yandex.ru